

Обычная больница, стационар, в котором работала Татьяна, был переведён на работу с ковид-инфицированными пациентами. О том, как проходило перепрофилирование лечебного заведения, как протекают будни в экстремальных условиях, она рассказала так.

ПЕРЕПРОФИЛИРОВАНИЕ нашей больницы, перевод персонала на работу в изменённых условиях происходили, можно сказать, в добровольно-принудительном порядке. Когда заболевание уже распространилось, и стало ясно, что существующие инфекционные клиники не справляются с потоком больных, который будет только нарастать, руководством — и не на уровне нашей больницы, конечно, а выше, — было принято решение перевести медучреждения, в том числе наше, на работу с пациентами, инфицированными коронавирусом. Нас собрали и объявили об этом решении. Но предложили самим определиться: остаёмся мы работать или увольняемся. Дали время подумать, посоветоваться с домашними. Когда я сказала своей семье, уже взрослым детям, об этом, то поначалу они негативно отнеслись к моему решению продолжать работу, говорили: "Мама, увольняйся!" Но как я уйду, оставлю своих девочек? У нас прекрасный коллектив — не очень большой, но сработавшийся, взаимоотношения очень хорошие. И

рургии, была перепрофилирована под лечение больных коронавирусом.

С нами на рабочем месте проводились инструктажи, обучение. Как врачи, так и медсёстры прошли полагающийся курс обучения по лечению коронавирусной инфекции. Обращалось внимание на всё: как на личную безопасность, потому что предстояла работа в непривычных условиях, включая ношение спецкостюмов, так и на отношение к пациентам, потому что инфекционные пациенты требуют особого внимания. К тому же, психологическое состояние коронаинфицированных больных подавленное, они испуганы. Их очень жалко. Само течение болезни в тяжёлой форме жутковато: сильная одышка от недостатка кислорода, больные задыхаются.

Конечно, отношение ко всем пациентам всегда одинаково, они все нуждаются в помощи, но здесь ещё важно из подавленного состояния их вывести. И, знаете, врач, медсестра — это не столько профессия, сколько образ жизни. Выбирая медицину, ты выбираешь образ жизни. И я, хорошо зная всех коллег, всё равно поразились, насколько у нас сплочённый коллектив в больнице оказался. Чтобы кто-то не помог — исключено. Работаем слаженно, спокойно, без надрыда какого-то. Некоторые из моих коллег тоже заразились. Слава Богу, болезнь протекала у всех в лёгкой форме, они выздоровели, вернулись и про-

люди долга

Наши врачи на передовой

надо же понимать: вот все уйдут, а кто людей лечить будет? Это же с каждым может случиться. Нам было предложено выбирать: или мы на это время продолжим жить дома, или поселимся в гостинице. Я написала заявление, что хочу жить в гостинице, чтобы всё-таки не подвергать лишнему риску своих домашних. В гостинице достойные условия, нас полностью обеспечивают всем необходимым, в том числе бесплатным питанием: как в гостинице, так и в больнице. На инструктаже сразу сказали: в "красную зону" ты не имеешь права зайти голышом. Ведь специальный защитный костюм, в котором работаем, включает в себя ношение респиратора, и это всё-таки вызывает небольшое кислородное голодание, дышать шесть часов в респираторе не совсем просто. И если не поешь, то возможен голодный обморок. А чтобы привести человека в чувство, надо с него всю спешку снять, и можно заражаться.

Мы приезжаем на работу, завтракаем. Пошли, переоделись, отработали 6 часов, после этого — обед. Переоделись, пообедали. После обеда надеваем новый костюм — ещё на 6 часов. Костюмы одноразовые. Есть и многоразовые тканевые костюмы, которые проходят специальную обработку, стирку, их тоже передаём каждый раз. Многоразовые костюмы — нашего, российского производства, одноразовые — китайского. И в самом начале одноразовые костюмы больших размеров сложно было найти. Но потом стали поступать все нужные размеры. И задержек с поставками, как было поначалу, нет.

Некоторые коллеги, их очень немного, уволились. Причины были разными, но, как правило, это была забота о домашних: у кого-то маленькие дети, кто-то живёт с престарелыми родителями, за которыми тоже нужен уход. А у кого-то были хронические заболевания, и они боялись рисковать.

И вот наша больница, многопрофильное учреждение, совсем не инфекционисты, с кардиологическим, терапевтическим, неврологическим отделениями, с отделением травматологии, гинекологии, гнойной хи-

должают работать. Вообще, остались работать те, на кого можно положиться, совершенно надёжные люди. К сожалению, сейчас молодые медработники всё чаще приходят в нашу профессию с другим отношением к ней.

К НАМ В БОЛЬНИЦУ привозят на "Скорой помощи" уже подтверждённых больных, после прохождения ими компьютерной томографии. Как правило, с пневмонией. У них и кашель, и высокая температура. Или температура невысокая и сильный кашель может не быть, просто подкашливание, сухой кашель. В стационар помещают пациентов с тяжёлой или средней формой тяжести, человека с лёгкой формой заболевания не обязательно госпитализировать, можно и дома лечиться: препараты принимать. Если человек поступил с какими-то ещё заболеваниями, то лечат и их, то есть в полном объёме помощь оказывается. Всё это делается бесплатно.

Лечение, как правило, назначается противовирусное, противобактериальное и симптоматическое — что кого беспокоит. В ходе этой эпидемии уже выработан алгоритм лечения: сейчас больного укладывают на живот и дают кислород. И если больной во сне, например, перевернулся на спину, на бок, его надо обязательно положить на живот. Так ему легче дышать.

По состоянию больного видим, когда ему становится легче: когда температура спадает самостоятельно, без лекарственных препаратов. Ведь если у человека грипп, и медикаментозно сбиваешь ему температуру, то она снижается на короткое время — минут на 40, а потом опять идёт повышение. А если температура снижается сама, без лекарств, — значит, идёт выздоровление: пациент начинает лучше себя чувствовать, легче дышать. Проводится обследование: берутся анализы, снимаются показания. Когда мы начинали с коронавирусными больными работать, самое главное было в диагностике — результат взятого мазка и КТ. А сейчас добавился ещё и результат анализа крови.

Поскольку стационар у нас обычный, то количество летальных исходов у нас было небольшим, а сейчас их больше, и это, конечно, действует на тебя. Мы, медики, часто видим смерть, и неизбежно развивается несколько отстранённое отношение к ней, что со стороны может показаться некоей чуждостью. Но очень страшно, когда молодые умирают. У нас пациенты разного возраста. И когда умирает 90-летний человек, это одно, а вот когда на твоих глазах молодой, 20-летний, уходит из жизни, это очень страшно.

Сами люди зачастую понимают, где они заразились. Поскольку мы позднее включились в эту работу, нам не достало тех пациентов, которые приехали из-за границы, где и подхватили вирус, у нас уже больше тех, что в стране заразились: кто-то в магазин ходил, кто-то после общения с друзьями, родственниками. Большие всего тех, кто заболел после посещения мест массового скопления людей.

Самозащита важна, но всё равно в течение двух лет большинство, если не все, переболеют в той или иной форме. Это же вирус! У нас же была практика гриппов. "Корона" более опасна, потому что передаётся аэрозольным путём, а сам вирус намного мельче. Если возьмём грипп, то способ передачи у него тот же — воздушно-капельный, но сам вирус более крупный, поэтому маска лучше спасает. Сейчас идёт коронавирусная инфекция, но остальные-то вирусы тоже идут, они нигде не делись. Те же гриппы H1, N1, например. И если раньше, в 2009 году, этот грипп считался эпидемией, то сейчас он сезонным стал, им народ переболел, и у многих выработался иммунитет. Но на любые вирусные заболевания стойкого иммунитета нет. Он, как правило, временный.

Наших пациентов родственники посещать, конечно, не могут. Но могут присылать передачи. В палатах разрешены телефоны, больные созваниваются с родными. Бывает, пожилой человек, маломобильный пациент, с плохим слухом не слышит телефона, за него беспокоятся, звонят нам. Мы идём, говорим больному, чтобы перезвонил родственникам.

Сейчас огромное количество телепередач, материалов на эту тему, все телеведущие и блогеры стали специалистами и экспертами по коронавирусу, по инфекционным заболеваниям. Но когда сам на этом направлении работаешь, то смотреть эти передачи не хочется. Хочется увидеть что-нибудь доброе, спокойное. К тому же, когда говорят не специалисты, и то, что они говорят, не соответствует ситуации, это раздражает и вызывает недоумение. Что сейчас, когда идёт эпидемия, и все о ней говорят: артисты, политики, — что раньше, когда все мы жили ещё в обычном режиме. Многих раздражал сериал "Скорая помощь". Просто смотришь и думаешь: как же так? Такого ведь в жизни не бывает! И получается: люди, которые внутри ситуации, это воспринимают в лучшем случае — с недоумением, а люди, которые с этой областью изнутри не знакомы, получают превратное представление о нашей работе.

Некоторые из наших коллег подрабатывали в инфекционных отделениях, поэтому, когда наш стационар перевели на работу с ковидными больными, мы знали, что будет соответствующая доплата. И она есть. Задержек с выплатами не было: как положено, что обещали, всё выплачивают. Первой "Коммунарка" стала работать в этом направлении: говорят, там какие-то были проблемы, мы позже подключились, и у нас уже никаких недоразумений в этом смысле не было.

Самая я с родными общаюсь только по телефону. Семья у нас спокойная, и эту мою работу воспринимают как должное, нет такого отношения: вот, наша мама — герой. Нет! Это — мой профессиональный долг. И его надо исполнять.

Не без оснований считают, что жизнь после ковида изменится у всех. Чувствую ли я изменения в себе самой уже сейчас? Кажется, пока ничего во мне самой не изменилось. Хотя поговаривают, что это всё надолго, надо привыкать к такому образу жизни. Возможно, и во мне что-то изменится.

Материал подготовила
Екатерина ГЛУШИК

"ЗАВТРА". Сергей Викторович, очень рады вашему возвращению в наши ряды после того, как вы перенесли эту тяжёлую коронавирусную инфекцию. Хотелось бы узнать от вас — так сказать, из первых уст — про то, как протекает болезнь, как её сегодня лечат, что происходит в самой клинике и так далее.

Сергей
СОЛНЦЕВ

КАК МЕНЯ ЛЕЧИЛИ

Рассказывает автор «Завтра»

Сергей СОЛНЦЕВ. Должен сказать, во-первых, о том, что коронавирус — это не выдумка, а реальность. Он действует, у него есть свои формы проявления, которые пока плохо изучены и понятны. На мой взгляд, против такого смертоносного вируса государство принимает адекватные меры. Может быть, и недостаточные, но эта недостаточность обусловлена неполным пониманием того, с чем мы имеем дело.

Во-вторых, мы переживаем катастрофу. А любая катастрофа чревата трансформациями общественного сознания. Оно сдвигается, оно деформируется, меняется. Вирус — обстоятельство непреодолимой силы, проявление стихии, с которой человечество умеет бороться лишь отчасти. При любом столкновении со стихией человечество обычно просто терпит, пока стихия не отступит.

Это плохая стратегия, и для успешного преодоления таких катастроф нужно заранее предусматривать ответ на подобные обстоятельства. В наших встречах мы уже не раз говорили об этом.

Тем не менее, когда катастрофа стала уже совершившимся фактом и повлиять на её наступление никак невозможно, начинаешь понимать и обратную сторону этой катастрофы, которая состоит в положительных эффектах, которые нельзя было получить никакими, более дешёвыми способами. Сейчас совершенно очевидно, что мы получили в виде этой коронавирусной пандемии лёгкую пощечину от природы или от любительной разводки вирусы, а не полноценную катастрофу. Нам скорее показали картину того, что может произойти в гораздо большей степени, если противостоящие нам силы будут действовать с более жёсткими намерениями.

Именно поэтому привычной нам медицины больше быть не может. Не может оставаться в её нынешнем виде и система управления страной. Не может не измениться и вся система борьбы с ЧС, в том числе армия. Эти очевидные последствия уже сейчас выглядят как положительные импульсы той катастрофы, которую мы переживаем.

Сказанное относится и к цифровизации, которая выглядела совершенно чуждой, пока её нам навязывали. Возможность, пусть в корявых, ещё не развитых формах, но всё-таки продолжить обучение детей, возможность связи кого угодно с кем угодно и как угодно в телемедицине, — всё это явные плюсы цифровизации. И с цифровизацией надо срастаться, а не отпихивать её или чернить, сапогами забивать куда-то лавку, поскольку цифровизация — одно из средств нашего спасения. Разумеется, нельзя не видеть и её опасностей, но "чем полезнее — тем опаснее!" — как говорил Спартак Никаноров.

"ЗАВТРА". Какими были симптомы COVID-19 у вас, какими были ваши личные ощущения?

Сергей СОЛНЦЕВ. Мои личные ощущения от болезни таковы, что она не чувствуется как особенно опасная до тех пор, пока не добираться до жизненно важных органов. Рассказываю только о своём опыте, поскольку признаюсь честно, в разгар болезни было не до наблюдений за окружающими. Зная, что даже один конкретный опыт может быть интересен, потому что новички все интересовались, что их ждёт, хотя бы приблизительно.

Когда начинается вибрировать сердце, а лёгкие перестают насыщать кровь кислородом, грань, отделяющая жизнь от смерти, представляется очень тонкой. Это, конечно, подавляет. Знакомый врач моего соседа по палате, который пришёл к нему, сказал, что пессимисты не выздоравливают, а лежат у него в холодильнике. А выписывают из больницы только оптимисты. Я подумал, что он шутит, что из такой чёрной медицины юмор, но этот человек сказал так: "Я на этой работе с первого дня эпидемии. У меня уже стэк, поэтому я могу так утверждать". Мне не очень понятно, откуда можно брать оптимизм, если от того света тебя отделяет тончайшая перепонка. Тем не менее, такой закон был выдвинут одним из медиков, с которым мне довелось познакомиться в ходе болезни.

Второй момент заключается в том, что с тобой начинают происходить дикие вещи, которые никогда раньше не происходили. Например, начинает "вертеть" мышцы. Они начинают неожиданно двигаться и скручиваться с большим напряжением, будто это медленная судорога. Ещё одна "коронная фишка" — когда моешься после очередной потливой ночи, вода мгновенно вызывает на коже огромные участки сыпи, никаких намокнов на которую не было ещё минуту назад. Тобой как будто начинают управлять какие-то посторонние силы, какие-то дьявольские флюиды, и ты ничего не можешь с этим поделаться. Ты моешься на это смотреть, можешь как-то локально себе помогать, но всё равно — ты в чужих руках. Тобой владеют силы, с которыми ты не можешь справиться или договориться. Это ещё одно психологическое ощущение, с которым приходится сталкиваться и мириться.

Так получилось, что я попал в отделение, которое только начало принимать больных "коронной", в самый первый день её работы. Поэтому там всё было совершенно странно. И это третий момент, о котором стоит сказать.

Обескураживал даже сам вид людей, одетых в настоящие сафланы без каких-либо идентификаторов и отличающихся друг от друга только своими размерами, потому что их лиц абсолютно не видно. По глазам тоже не узнаешь — ведь они все на некотором расстоянии от тебя. И люди в этих белых сафландах говорят: "Близкие двух метров не подходи. Стой вон там!" Ты понимаешь, что они все вечером "всплывут на поверхность", а тебе предстоит в этой "красной зоне" пару недель "бархатиться"! Беспокоили и другие каверзные

вопросы: а они друг друга-то как узнают? Может, они и нас тоже путают, как и мы их? Это всё настораживало.

При этом было так, что медработники сразу начинают с тобой разговаривать, а ты не понимаешь ни слова, потому что у них все верхние частоты голоса срезаны респираторами и масками, а потому слышишь только низкие басы. Речь "прожжёвается" внутри сафланда и наружу почти не выпадает. "А? Что? Повторите громче!" Поэтому, в отличие от дайвинга, эти белые водолазы все непрерывно орут.

Вообще, там сначала было много неразберихи. Например, молодые практиканты закопали мне вены на обеих руках так, что там появились синяки и шишки. То есть они куда-то не в вену вставляли иглы. Я нашёл опытную сестру, которая правильно поставила мне катетер, но не сказала, что у него без промычки ограниченный срок использования. Поэтому катетер лучше не держать в вене больше трёх суток. А мне его пердержали, из-за чего возникло воспаление вены, и теперь у меня, кроме шишек от уколов, ещё шишка оттого, что я переносил катетер. А практиканты просто каждый раз вытаскивали в этот катетер шланги и вливали какие-то свои растворы.

"ЗАВТРА". Насколько нормальными были условия в больнице?

Сергей СОЛНЦЕВ. Поначалу в палате было холодно, согреться нечем, отсутствовала горячая вода, раковина была забита, а свет перегорел. Все эти бытовые неудобия накладывались друг на друга и составляли дополнительный негативный фон. Мы все лежали с высокой температурой и плохо шевелились.

Но с каждым днём становилось всё лучше. Появилась регулярность в обходах. Обходы делали не медсёстры, а врачи, которые появлялись уже в пять утра, потом в девять, днём когда-то и ещё вечером. И делили это всё очень строго. Тут же записывали все данные: температуру, давление, насыщенность крови кислородом и другие параметры. Врачам можно было задавать вопросы. Мы попросили их дать нам горячую воду — и к вечеру она стала ржавая вода, вскоре сменявшаяся чистой горячей водой. Через врачей реались и другие бытовые мелочи. К примеру, в начале нашего пребывания у нас не было кипятка, который можно было бы пить. Это важно, потому что когда у тебя хрипит в горле и, вообще какие-то воспаления, одних антибиотиков мало. Нужно, чтобы было тепло и надо всё время пить горячую воду. Больным запрещалось выходить из палаты, а обеды нам приносили в индивидуальных упаковках, то есть каждый кусок хлеба, каждое яблоко, каждая тарелка супа — всё было упаковано отдельно, и эти упаковки после еды выбрасывались. Но проблема была в том, что вся пища была холодной, потому что её фасовка и развоз по пациентам занимали где-то полтора часа. Наш завтрак

начинался в половине одиннадцатого. Но за несколько дней работы отделения всё это изменилось, и медсестра стала возить на своей тележке, кроме этих коробочек, большой чайник кипятка. Нам разрешили пользоваться кулером, но сам вирус более порой было трудно добраться из-за своего состояния, но это было уже существенное улучшение условий.

Со временем поставили умывальник с мылом, так что можно было уже мыться, умываться. Те же, кто не взял с собой ничего, были в бедственном положении. Еда была ужасной, я её не мог есть, и пять дней, на всякий случай, вообще ничего не ел. Вместо этого пил много горячей воды с вареньем. Так что, конечно, похудел на 7-8 кг, но не страдал!

Но самое главное было в другом: стало видно, как работает медицинская машина, в наших глазах раздробленная на процедуры, инъекции, визиты врачей, опросы, осмотры, анализы, рентгенографии и т. д. Врачи чуть ли не каждый день меняли лечение в зависимости от моих текущих данных, например, формулы крови, которую они получали из вен: одни таблетки отменяли, давали другие, заменяли растворы в капельницах и т. д. В какой-то момент они "попали в точку", и я начал очень сильно потеть. Несколько ночей подряд. Прсыпавшись в луже собственного пота, рубашка, постельное бельё, подушки, матрац — всё мокрое. Приходилось вставать и всё это заменять (благо, семья уже приспособилась к бесконтактной поддержке), идти под душ, переодеваться в чистое, после чего досыпать на каком-то сухом уполке кровати.

Начиная с этого времени температура у меня стала падать, появился аппетит, причём совершенно зверский. Я стал есть всё, что приносили: недоедавшее, недожаренное, с песком и т. д., порой даже по две порции. Когда у нас появились новенький, который тоже поначалу не мог ничего есть, то от него оставалась целая порция, которая, с его согласия, доставалась мне. Я ещё не поправился, но пошёл совершенно очевидный процесс выздоровления, появились силы. Раньше, например, я не мог ходить к кулеру за горячей водой, а когда стал выздоравливать, то смог.

Постепенно болезнь стала отступать. Все проявления воспалительных процессов в организме постепенно затухали. В какой-то момент мне сунили противогрибковые капсулы, и я их все съел. После этого тоже наступило улучшение.

"ЗАВТРА". Каким был возраст других больных, которые находились вместе с вами?

Сергей СОЛНЦЕВ. В основном, это были моложе меня лет на 20. Ну, вот нас шестеро в палате. Один сосед — 1982 года рождения, значит, 31 лет ему было. Следующий — 1994-го, это 26 лет. Следующий — ему 60 ровно. Следующий — молодой парень, на вид лет 35-и. И ещё одному было 54 года.

"ЗАВТРА". И все они благополучно выписались из больницы?

Сергей СОЛНЦЕВ. Все, кого положили в первый день вместе со мной, были выписаны с успехом. И это было очевидно. То есть, их привозили в ужасном состоянии: они падали в обморок от температуры и тяжело кашляли, заклинивались. Им сразу, от настенного узда, давали кислород. Потом, через несколько дней лечения, они уже ходили, нормально разговаривали, и кашель исчезал у всех. Больница, очевидным образом, справлялась! Но непрерывно подвозили новых разнокашляющих.

Мне кажется, что есть целая группа молодёжи, и не только молодёжи, которая не воспринимала опасность коронавируса всерьёз, просто не осознаёт реальности этой угрозы, для них это нечто абстрактное, из сюжетов новостей. Это, к сожалению, дефект благополучия, этот дефект их счастья существования. У молодых людей просто не улавливается в голову то, что "ковида" лёгкие просто могут разуться. А я видел таких людей, их на каталках увозили на рентгенологическое обследование. Они лежали на животе, были в тяжёлом состоянии, некоторые без сознания, дышали из баллона.

У коронавируса есть специфика уничтожения организма, в который он попал. Эта специфика до сих пор не была свойственна ни одному другому вирусу. Человек, который сейчас с тобой разговаривает, через считанные часы падает в обморок, его везут на каталке на компьютерную томографию и видят, что у него осталось очень мало дееспособной зоны лёгких. А он до последнего момента не ощущал у себя никаких проявлений болезни.

Кроме того, главной специфической чертой, которая "поставила на уши" весь мир, является огромная скорость распространения коронавируса. Другое дело, что сама эта зараза переносится многими людьми достаточно спокойно. Хотя наука ещё не знает, что будет дальше, — может быть, такое тихое течение болезни приводит к каким-то отсроченным последствиям?

Врач, который меня лечил, рассказывал, что у него были пациенты, которые полностью заканчивали лечение, и их тесты показывали отсутствие вируса, то есть они действительно справились с ним. Но через некоторое время эти пациенты возвращались уже в тяжёлой форме — то есть, возможно, где-то остались какие-то "молчащие" очаги, которые при определённых условиях "взорвались" внутри организма, молниеносно и убийственно. Это ещё одна специфическая черта коронавируса.

Никто не знает, что с этим делать. Именно поэтому карантинные и изоляционные мероприятия становятся чрезвычайно трудными — из-за высокой заразности и большой скорости распространения полностью избежать инфицирования невероятно трудно. В объёме комнаты все могут заразиться даже от одного чиха. Многие переносят болезнь на ногах, как многие переносят грипп на ногах, не замечая этого, но при этом постоянно заражая всех вокруг. Так что всё серьёзно. Эта реальная проблема и реальная катастрофа, в которой нам теперь предстоит жить, выживать и развиваться!

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Жили Были СТОИМ КАК ПЕСНЯ

«Звёзды» не сияют

НОВЫЕ ВРЕМЕНА или, точнее, последние времена, требуют новых слов. Точнее, последних слов. Последних, можно описать только последними словами. Эпита, чиновник, государственный деятель... Разве те, кто числятся по этим ведомствам, соответствуют данным понятиям? Вот со словарём сверить. Полное несоответствие. "Нет, ребята, всё не так, всё не так", как надо. А уж к тому, что подаёт под общим названием "культура", точно надо придумать какое-нибудь последнее слово. Чтобы этим словом сразу — выразиться. Каков последний министр культуры, изыскающийся последними словами, такова и культура. И можно было бы попросту зарыться в нашу необъятную классику, где поистине — неисчерпаемый кладёз, и довольствоваться ею, но они же, представители пока не названного парадокса под видом культуры, лезут из всех тараканьих щелей. Вынуждают тебя самоизолироваться от культуры. Уйти не в аскезу даже, а в подпол. Это агрессивное меньшинство навязывает свою безвкусицу. Ты-то — укрывшись, но они прорвались к окружающим, воспевают их! А ещё классик заметил, что "жить в обществе и быть свободным от общества" не получится.

Ведь человек — существо духовное, и нуждается в пище духовной. И не только в хорошо проверенной, отобранной, полезной консервированной продукции — классике. Но и в свежей. А под видом свежей духовной пищи подаёт продукт опасной пальмового масла и ГМО, потому что отравленная душа — это страшнее отравленного тела. Поют — не умеющие петь, играют в фильмах — не умеющие играть, в лучшем случае гримасничают, рисуют — не умеющие рисовать, изгаляются на сцене — не умеющие вообще ничего. Да если бы даже какие-нибудь сантехники с таким уровнем профессионализма заполнили ЖЭКи, все утонувшие бы в выгребных ямах, как сейчас тонем в "культуре".

Станным образом, востребованные во всем мире и потому, к сожалению, уезжающие от нас врачи, преподаватели, учёные, да те же сантехники, получают за свои труды несравнимо меньше, чем "звёзды" эстрады и кино, никем и нигде не востребованные! Скатертью бы дорога! Навсегда. Без концентро-стёмо-ногастральных налётов на нас.

Но вдруг эта клоак-тусовка заголосила о своей обделённости. Сначала маленькими пенсиями слезу из нас выжимали. Некая Лолита пророчала: в старости прозябает. Но её очередной супруг вдруг выдал тайну: эта "бедная пенсионерка" содержала его, а он, в свою очередь — молодую содержанку. Хватало на всю ораву.

Только насострадались маленьким пенсиям, как слёзы с экрана брызнули с новой силой: тусовка шоуменов бежит по телевизорам с рассказами о том, что из-за прекращения концертной деятельности они лишились средств к существованию. Стали заглядывать в карман пенсионеров: у тех, вот, у кого целых восемь, а у кого — и все двенадцать тысяч рублей в кармане шуршат, а я без штанов остался. Собственно, без штанов — это как раз рабочая форма жалующихся горемыки, некоего стриптизёра Тарзана. Сообщение об их с Порывай-Королёвой бедственном положении появилось одновременно с сообщениями в жёлтой прессе об учёбе их отпрыска в Америке. Неравнодушные люди не остались черствы и засыпали предложениями о работе таксистом, курьером. А также подсказали супружеской паре: можно кое-что продать из нажитой непосильным трудом недвижимости. Квартира в Майями, дача в Крекишино, апартаменты на Новом Арбате и в жилом комплексе "Боробьёвы горы" — всего-навсего на 300 миллионов. Одних налогов на недвижимость сколько платить надо!

Самый захудалый российский шоумен обавелся виллой: кто в Швейцарии, как жалующийся на безденежье Пригожин, ещё и деток за границы обвешивший, (и в Дубах квартира, на всякий случай), кто в Испании, кто в Италии. Очень много "майямифилов": список заведомо русских новгородных телебашен практически совпадает со списком владельцев вилл и апартаментов на океанических американских берегах. Когнитивный диссонанс: инстаграммы с обилием фотоснимков о шикарном жизни в подмосковных дворцах, на зарубежных виллах, яхтах, езда на шикарных авто и, в то же время — стоны о бедственном положении.

Откровенно кичатся: мы пристраиваемся в странах, где нашим детям безопасно, а деньги дерём с россиян. Но именно ваши творения воспитывают дурновкусие, хамство, что и ведёт к беспределу. Ты можешь не смотреть, не слушать эту попсу, но её слушают другие, набираются пошлости и агрессии, и вот от них уже — не спрятаешь, не скрывается...

Парадокс: нет ни одного шоу-деятели, который был бы столь уникален, что его нельзя было бы подменить любым из его коллег. До сих пор никто не спел, как Магомаев, Гуляев, Великанова. А спеть, как Галушка-Брежневца? Да любая ученица музыкальной школы перепойт Веру, у которой рабочий инструмент — не голос, а ноги. Очень неплохи! Но у леопотлеток красивее! Если хочешь сыскать "три пары стройных женских ног", отправляйся на стадион! Вот где красота и изящество! А в стиле Порывай-Королёвой можно петь и без знания нотной грамоты.

Но при этом прайс-лист выступлений этих "звёзд" — высшая математика! По несколько миллионов за один выход. Съёмочный день в кино — от трёх тысяч долларов за день, хотя фильмы — сплошные касовые провалы. О провалах творческих и говорить излишне.

Ещё парадокс: зарубежная красная жизнь шоу-тусовкой устраивается на доллары и евро. Но перед валютной публикой наши "звёзды", сколько ни тужься, себе и на комнату в хостеле не напоят. Инвалюту для страны зарабатывают работники: нефтяники, газовики, лесорубы, которым (Сечина с Миллером не берём), не всегда и участок в родном пригороде по карману. Сантехник не ошибается: "Тут всю систему менять надо".

Анна СЕРАФИМОВА

СМОТРИТЕ
ТЕЛЕКАНАЛ
«ДЕНЬ»

ОШИБКА
БУДЕТ
СТОИТЬ ИМ
ВСЕГО

КОМУ ВЫГОДНО
СКРЫВАТЬ ВАКЦИНУ

ДУШЕНОВ И ФЕФЕЛОВ 235
МИХАЛКОВА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ

ДУШЕНОВ 270
ОХРАНА КОНЦЛАГЕРЯ В ЛИЦАХ

DENTV.RU